

Л.А. Маркова

Истина утрачивает свои доминирующие позиции в логике*

Одним из тревожных признаков ненадёжности классической логики при интерпретации неклассической (а тем более постнеклассической) науки во второй половине и в конце прошлого века стала беспомощность в понимании принципиально новых особенностей естествознания на базе таких ещё совсем недавно столь фундаментальных и не вызывавших никакого сомнения понятий как истинность и объективность знания. Опора на эти понятия породила неизбежно целый комплекс сопряжённых с ними идей и представлений, которые, как казалось, в своей совокупности позволяли получить исчерпывающее понимание научного знания, где и воплощалась суть науки. Естествознание изучает мир природы, который существует независимо от изучающего его учёного. Генерируемое знание объективно, это значит, что его содержание определяется предметом изучения, а не свойствами учёного, сколь бы важны и существенны они ни были для успешной исследовательской деятельности.

Предположим, учёный умен, талантлив, хорошо образован, он профессионал в своей области, но всё это хоть и усиливает его возможность получать объективное, а значит – истинное знание о природе, тем не менее, все эти хорошие качества остаются за пределами логики знания. *Чем выше профессионализм учёного, тем в*

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, Проект № 09-06-00023.

большей степени он способен исключить своё присутствие в получаемом результате. Учёный с его личностными характеристиками и исследовательской деятельностью является чем-то вроде контекста, который необходим для производства знания, но всегда остаётся за его пределами, никак логически с ним не связан.

Составляющими этого контекста является масса особенностей окружающего человека социального мира, но не только. Этот контекст формируется также множеством второстепенных, не имеющих прямого отношения к тем или иным аспектам исследовательской деятельности деталей (например, цвет экспериментальной установки или высота потолка в лаборатории). Если же какие-то элементы контекста (неважно, существенные для познавательной деятельности или нет, главное, что они *внешние* по отношению к предмету исследования) оказываются внедрёнными в получаемый результат, то их воздействие может быть только отрицательным, нарушающим достоверность знания, его истинность и объективность. При этом роль субъекта как *активного* начала в научной деятельности как раз и состоит в том, чтобы освободить получаемый результат от вкрапления в него своих собственных характеристик. Очевидно, что это свойство знания не присваивается им автоматически, оно есть результат именно деятельности субъекта по самоустранению.

Предмет изучения, природу, тоже можно рассмотреть как контекст научной деятельности. Любой акт научной работы предполагает наличие определённого круга природных явлений в качестве предмета исследования. И этот предмет необходим как определяющий содержание и логику получаемого результата, но как природный, материальный он остаётся за пределами логики. В этом роль субъекта и предмета в процессе познания совпадают. Для того чтобы этот процесс мог реализоваться, необходимо наличие предмета, существующего самого по себе, полностью независимого от субъекта и воспроизводимого в знании как таковой. Только в этом случае знание будет объективным и истинным. Деятельность субъекта направлена на достижение той же цели: в ходе теоретического конструирования или проведения эксперимента учёный направляет свои усилия именно на то, чтобы получить знание, свободное от своего собственного влияния как человека, знание о природе самодостаточной, независимой от познающего её учёного. И учё-

ный как субъект, и предмет изучения формируют контекст, абсолютно необходимый для осуществления познавательной деятельности. Мы имеем две составляющие этого контекста, одинаково значимые для исследования именно в качестве отсутствующих в его результатах. Человек во всей совокупности своих свойств, и физических, и духовных (прирождённые способности, образование, трудолюбие и пр.) в качестве условия, фона, контекста исследовательской деятельности остаётся за пределами получаемого результата. Природа в её управляемости законами как материальная структура, самодостаточная и независимая от человека, тоже выступает как необходимый контекст (условие) производства знания и тоже остаётся за пределами его логической структуры.

С точки зрения получаемых в науке результатов все субъекты познания одинаковы, во всяком случае, индивидуальные особенности, отличающие их друг от друга, не имеют значения для содержания знания. Субъект один, мы имеем *монологику*. Предмет тоже один, он никак не меняется в своей самодостаточности и независимости от деятельности субъекта. Поскольку именно предмет определяет логическую структуру знания, его истинность и объективность, то и истина может быть только одна. Другое дело, что истина не может быть абсолютной, она всегда относительна¹. Только благодаря этому и реализуется непрерывное развитие науки: всегда сохраняется возможность усовершенствовать знание, сделать его более точным благодаря тому, что за его пределами остаётся не до конца освоенный наукой предмет.

В прошлом веке понятие контекста перестаёт восприниматься как нечто само собою разумеющееся и не требующее специального рассмотрения. В первую очередь это относится к субъектному полюсу познавательного процесса. Не буду сейчас воспроизводить всего разнообразия точек зрения по этому поводу², отмечу только, что главным результатом были выводы об угрозе релятивизма. Предмет исследования оставался одним и тем же в каждом конкретном случае, а субъектов, его изучающих – много. И у каждого субъекта (тот или иной исторический период, культура, социальные условия, религиозные убеждения, научные сообщества, коллективы научных лабораторий, отдельный учёный и пр.) свой результат изучения того или иного предмета, своя истина.

Если в интерпретациях классической науки субъект полностью (в идеале), со всеми своими особенностями, устранялся из научного результата, то теперь наоборот, научное знание воспринимается (по крайней мере, в крайних вариантах социологического анализа науки) как содержащее в себе, в том числе, и индивидуальные черты своего создателя, особенности его деятельности. Случайность и произвол становятся господствующими понятиями в социологических исследованиях науки, которые претендуют при этом на традиционно философскую проблематику: на анализ науки с точки зрения истинности научного знания, его объективности, экспериментальной проверяемости и т. д.

Выход из положения затрудняется двумя главными, на мой взгляд, обстоятельствами. Во-первых, уже невозможно отказаться от полисубъектности, как в силу развития самой философии, включая аналитическую (где особенно болезненным был отказ от моносубъектности и монологики), так и в силу процессов, происходящих в естествознании после научной революции XX в. Во-вторых, сохраняется представление об едином предмете. Один предмет логически несовместим со множеством субъектов. Много субъектов – много истин. Один предмет – только один истинный результат его изучения.

В последние десятилетия намечаются не очень чёткие, правда, но всё-таки пути выхода по преодолению возникших трудностей. Прежде всего, я имею в виду появление и в философии, и в естествознании понятия наблюдатель. И, во-вторых, новую интерпретацию понятия контекст³. Но прежде всего остановлюсь на непосредственно породивших их проблемах координации, общения между субъектами. Их не только много, они претендуют (в отличие от одного единственного субъекта классической логики) на формирование содержания и логики научного знания через включение в него своих собственных личностных, субъектных в самом широком смысле слова, характеристик. Отсюда неизбежный интерес к возможностям соотнесения, координации, логической связи между ними. Создаются философские концепции диалога, интерсубъективности, коммуникации.

Наличие в науке споров, дискуссий, конфликтов никогда не отрицалось ни историками, ни философами, ни социологами. Однако все формы общения между учёными выносились за преде-

лы логики получаемого результата. Когда же исследователи науки стали исходить из того, что какие-то черты личности учёного, а вместе с тем элементы социума, культуры, экономики и пр. неизбежно включаются в научное знание в процессе его создания, тогда появилась необходимость как-то объяснить, понять формы кооперации между учёными. Это становится особенно важным, так как способы общения между учёными совпадают, согласно новым базовым основаниям концепций науки, с проблемой возможности или невозможности логической совместимости теорий-парадигм, прежде всего между вновь возникшей и господствующей на данный момент.

Действительно, если предпочтение отдаётся субъектному полюсу в интерпретации научного знания, то и логические отношения между теориями рассматриваются, прежде всего, как отношения между субъектами, их создавшими. При такой исходной установке приходится или искать логику во всём разнообразии коммуникативных связей между учёными в период создания ими новой теории и её конкурентной борьбы с другими теориями, или вообще отказаться от логики при интерпретации научного знания и погрузиться в эмпирию⁴. Наиболее логически обоснованными среди появившихся в последние десятилетия концепций науки с ориентацией на субъект деятельности являются, на мой взгляд, диалогика В.С.Библера и теория коммуникаций Н.Лумана. Во всяком случае, они избежали двух тупиковых, как мне представляется, путей развития идей в этой области: или приспособить каким-то образом прежнюю классическую логику к новым реалиям в науке и философии, «разбавив» её, в крайнем случае, некоторыми уступками в пользу сторонников новых подходов, или же вообще отказаться от логики и погрузиться в эмпирию деятельности, разговора, повседневных ценностей и целей⁵.

В диалогике общение между учёными, их исследовательская деятельность, для того чтобы не оказаться за бортом логического, содержательного строя возникающего знания, должны «управляться» базовыми основаниями мышления соответствующего исторического периода. Диалог между учёными ведётся как *спор логических начал*. Так, в ходе научной революции начала прошлого века стали проблемными такие понятия, как пространство, время, причинность, элементарность и ряд других. Причём новое истол-

кование не отменяло их прежнего значения, и они продолжают играть роль в естествознании и философии как проявляющие свои новые качества именно в диалоге. В этом можно убедиться на примере принципа соответствия или принципа дополнительности, которые свидетельствуют о том, что история дисциплины (в данном случае физики), а значит и субъект, который эту историю делает, включаются в саму структуру знания. Диалогическое общение – спор учёных в области логических начал мышления – оказывается работающим в формировании и функционировании научного знания нового типа, неклассической науки.

Обратим внимание на следующий аспект диалогического общения. Много культур, много типов мышления, много субъектов. Каждый субъект формируется условиями (контекстом) своей деятельности. Условия (культура, социум, образование, религиозные убеждения) разные, поэтому и субъектов много, моносубъектная логика становится полисубъектной. А как обстоят дела с предметом? Библер настаивает на предметности мышления, которая становится ещё более очевидной, по его мнению, в условиях диалога и полисубъектности. Мир бесконечно возможен, и «чем больше собеседников, тем более «колобок» бытия, по его словам, плотен, непоглощаем, загадочен, выталкиваем «вовне» мысли»⁶. Библиера можно понять так, что каждый познавательный акт является деятельностью субъекта по «выталкиванию» познаваемого предмета за пределы мысли. Поскольку участников диалога в идеале бесконечно много, то с каждым следующим шагом в развитии науки познаваемый мир становится всё более независимым, далёким от человека, а знание о нём всё более совершенным. Ведь целью науки (классической) является представить мир в своём знании максимально освобождённым от любой субъектности. Здесь просматривается «смыкание» диалогики с монологикой классической науки, в противостоянии которой диа- или полилогика и создавалась. Противостояние сохраняется, если интерпретировать деятельность субъекта не как отстраняющую мир (пусть и как возможный) от учёного, а как формирующую и самого субъекта, и этот мир *заново* из контекста исследовательской деятельности. Идея самодетерминации играет огромную роль в философии Библиера, тщательно им разрабатывается, и в русле этих исследований соотношение субъекта и предмета приобретает принципиально иное

значение, нежели то, которое я извлекла из его рассуждений о множественности миров как возможных. Но сейчас я не буду останавливаться на этой стороне дела.

Отказ от моносубъектности предполагает другое понимание возникновения нового в науке. Новое знание не выводится из прошлого знания как его совершенствование, как ещё один шаг на пути к более глубокому постижению субъектом (одним субъектом!) природы, а возникает как бы на пустом месте, из контекста, который знанием не является. Во всяком случае, далеко не все его составляющие имеют отношение к научному знанию и его проблемам (социальные условия, психологический климат в научном коллективе, финансовые возможности). При этом исследователь науки оказывается вынужденным как-то ответить на достаточно трудный вопрос: каким образом получаемое знание вписывается в уже существующую теоретическую структуру, если оно в своём происхождении никак логически с ней не связано?

Новый результат рождается из контекста, и часто исследователи, особенно социологи и историки, рассматривают его как формирующийся произвольно, вне всякой связи с теми проблемами, которые предстоит решить естествоиспытателю. Об этом свидетельствует, например, социологический анализ работы лаборатории (К.Кнорр-Цетина, Б.Латур, С.Вулгар и др.). В этом случае в число элементов контекста могут быть включены все сосуществующие с научным исследованием факторы условий работы, каждый из которых, в свою очередь, образует свой круг связей и отношений, и так до бесконечности. В контекст работы лаборатории оказывается втянутым, таким образом, практически весь окружающий мир. Контекст утрачивает какую бы то ни было определённую, в логическом пределе он один и тот же в каждом конкретном случае (его формирует бесконечное число элементов), и непонятно, как он может выдать именно данный научный результат, отличный от любого другого.

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, надо как-то уйти от бесконечности, которая устраняет особенность и уникальность каждого случая производства знания, т. е. именно то, ради чего и был осуществлён переход к пониманию исследовательской деятельности с точки зрения её субъектного полюса. В тех случаях, когда те или иные авторы имеют дело с пониманием творчества

в науке, появляются тенденции истолковывать контекст акта производства знания с точки зрения его двойной функции: контекст не только является необходимым *условием* решения возникших в науке проблем, но и сам *формируется состоянием дел в науке*. Если считать контекст ответственным за новое содержание и логическую структуру получаемого результата, то принимаются во внимание и соответствующие его составляющие, в первую очередь те, которые в голове учёного ещё не представляют собой актуализированного в языке (словах, рисунках, чертежах), готового вступить в конкурентную борьбу с уже существующими теориями, знания, но являются чем-то вроде проекта, замысла будущего результата.

Из уже сказанного можно сделать некоторые выводы относительно новой роли фундаментальных для классической науки понятий, о которых говорилось в самом начале этих заметок (истинность, объективность знания), и которые базировались на соответствующем понимании отношения субъект–предмет. Сама по себе идея о возможности включения тем или иным способом субъектных характеристик в получаемое научное знание (а значит и в предмет изучения, который и воспроизводится в знании), при любом её развитии, означает нарушение чёткости границы между субъектом и предметом. Субъект, определённые свойства которого становятся приемлемыми для характеристики предмета, *опредмечивается*, а предмет, приобретая субъектные черты, *субъективируется*. Не случайно в последние десятилетия так активно обсуждается проблема истинности знания в науке. Действительно, нарушается такой важный принцип в интерпретации знания, как убеждение в том, что любое включение в него субъектных характеристик работает против его истинности, ослабляет его позиции в конкурентной борьбе. Получается, что чем успешнее разрабатывается тема новой роли субъекта в исследовательском процессе, тем сомнительнее становится значимость истины, понимаемой как соответствие знания предмету.

Посмотрим с новых позиций на книгу Т.Куна «Структура научных революций» и на те многочисленные дискуссии, которые велись по её поводу. Сегодня для нас важно отметить моменты, которые в своё время отодвигались на второй план и не воспринимались как существенные. Я имею в виду тот факт, что все теории-парадигмы, принимавшие участие в конкуренции, и вновь

возникшие, и старые, рассматривались, по-прежнему, как *результат* творческого акта в голове учёного, уже актуализированный в языке, готовый к восприятию его как оппонентами, так и сторонниками автора. Верно, что придавалось большое значение исторической ситуации, культуре, философии, религии и другим обстоятельствам рождения нового в науке, включая и личностные отношения внутри научного сообщества. Всё это играло роль в формировании, в том числе и логической структуры знания, но *исключалось влияние проблемной ситуации* в науке на формирование именно этих, а не других ситуаций (контекстов) возникновения нового знания. Получалось, что новая парадигма определяется в своём содержании и логике обстоятельствами, не имеющими ничего общего (или очень мало) с наукой. Не было *взаимовлияния*, влияние было односторонним (во всяком случае, именно такое влияние было доминирующим), от субъекта к предмету. Отсюда – трудности в обосновании истинности знания.

Но если истина не может быть полноценным критерием для оценки теории, что же таким критерием является? Согласно Куну и многим другим исследователям, работающим в русле социологии науки, из числа конкурирующих теорий выбирается победительница в результате согласия большинства членов данного научного сообщества в пользу такого выбора. При этом имеется в виду, что все теории-парадигмы, участвующие в борьбе, имеют право на это участие *как научные*, и даже после поражения сохраняют свою историческую и логическую значимость. Но если они оказались побеждёнными, ложными, что же позволяет считать их научными и включать в историю *науки*? М. Мамардашвили, рассматривая ситуацию рождения нового в науке с позиций своей философии, считает, что научная идея вообще не зависит от количества учёных, которые её признают. Она становится научной сразу же, как только сформировалась в голове учёного, даже если она ещё никому, кроме её автора, неизвестна. Задача учёного – сделать родившуюся в его голове мысль доступной для понимания *другими*, актуализировать её в языке, обосновать, доказать её истинность. Истинность того, что уже *есть* как заслуживающее признания в качестве *научного*⁷.

Если признать, что истинность не является обязательным условием признания теории научной, что же тогда делает её таковой? В последние годы всё чаще на передний план выдвигается понятие

смысла. Именно смысл делает теорию научной, и обнаруживается он в ней в том случае, когда *научная* теория рождается из *ненауки* (логика из *нелогики*, философия из *нефилософии* и т. д.). Речь здесь как раз идёт о том, что новая идея возникает не из произвольного, случайного контекста, а из контекста, который, не являясь наукой (логикой, философией...), формируется, тем не менее, в сопряжении с проблемами, подлежащими решению в этой области человеческой деятельности. Потребности самой науки «выбирают» из бесконечного количества элементов мира те, которые помогут ей преодолеть вставшие на её пути трудности. Именно такого рода *активность* «субъектного полюса» (проблемной ситуации) в отношении контекста (который включает в себя и соответствующие элементы предмета) позволяет получить результат, обладающий научным *смыслом*. Неважно, окажется ли этот результат истинным или ложным. По большому счёту это неважно и для классической науки. Ведь согласно её логике все теории, в конце концов, опровергаются как ложные, сохраняя при этом свой научный статус. Вместо истины в исследованиях науки на передний план выдвигается понятие смысла.

Но одно дело, когда в исследованиях науки при возникновении затруднений в тех или иных случаях начинают «мелькать» понятия, ранее не игравшие существенной роли, а теперь, вроде бы, помогающие взглянуть на эти трудности с новых позиций, и совсем другое – сделать их элементами целостной логической системы. Такого рода попытка предпринята Ж. Делёзом в разных его работах, главной из которых с этой точки зрения является книга «Логика смысла»⁸. Любопытно, что анализ базовых оснований классической логики Делёз осуществляет через рассмотрение логической структуры *предложения*, хотя в своей профессиональной биографии он практически не соприкасается с аналитической философией и напрямую не участвует в разворачивавшихся там дискуссиях.

Отмечу наиболее интересные, с моей точки зрения, для рассматриваемых в этой статье вопросов моменты в философии Делёза.

Во-первых, это его убеждение в том, что главным, базовым в предложении не являются ни отношение предложения (которое может быть понято как имя) к денотату, ни манифестирующий (выражающий) себя в предложении субъект. Такая позиция совпадает

с положением дел в той же аналитической философии, где полное исключение субъекта из логических структур научного мышления привело к попыткам как-то учитывать личностный аспект в получаемом в науке результате. В свою очередь, это направление исследований заставило многих логиков усомниться в возможности построить логику, опираясь на неизбежную вроде бы хаотичность и случайность личностных характеристик. И в том, и в другом случаях исследования зашли в тупик, и это заставило логиков метаться между двумя полюсами, что далеко не способствовало логической убедительности их построений. Ни выдвижение на передний план отношения предложение – денотат, ни рассмотрение субъекта как выражающего себя в качестве основания предложения не привели к желаемым результатам. Такое положение вещей и выводы, которые отсюда напрашиваются, сближают ситуацию в аналитической философии с тезисами Делёза.

Во-вторых, для наших целей важно, что Делёз выдвигает именно смысл в качестве того фактора, который «управляет» остальными отношениями в предложении. И этого мало, он разрабатывает логический механизм рождения смысла из того, что смыслом не является. То есть он ставит перед собой ту же задачу, над которой думают и изучающие науку: каким образом научные теории возникают из того, что наукой не является, из контекста. В логике Делёза смысл производится nonsensom, у которого нет какого-то специфического смысла, но он противоположен отсутствию смысла, а не самому смыслу.

Вдаваться в детали логики Делёза, в её соотношении с проблематикой исследований науки, в данном случае не входит в мои задачи, но в перспективе такой анализ может быть продуктивным. Логические механизмы, разрабатываемые Делёзом, помогают, на мой взгляд, преодолеть неизбежность выбора между возвратом к классике или погружением в эмпирию. Логика Делёза базируется на понятиях, которые, хоть в большинстве случаев и не эксплицитно, а скорее исподволь, во многих случаях неосознанно, но уже играют существенную роль в работах по изучению научного мышления.

Примечания

- ¹ Об очень непростом содержании понятия *относительность истины* глубоко и содержательно рассуждает Е.А.Мамчур в книге «Образы науки в современной культуре» (М., 2008).
- ² В отечественной философии науки споры и дискуссии группировались в значительной степени вокруг идей В.С.Стёпина, которые он высказывал в многочисленных публикациях, докладах, дискуссиях. См.: *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. О классическом и неклассическом мышлении в науке см.: *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001; *Микешина Л.А.* Философия познания. М., 2002.
- ³ Понятие *контекст* – одно из наиболее «работающих» в современных трудах по изучению научного мышления. Важно, однако, что это понятие сопряжено с целым рядом других, не менее значимых для разрешения возникающих в философии науки проблем. С точки зрения формирования некоторого целостного понятийного базиса, заступающего на место классического фундамента научного мышления, не могу не отметить книгу И.Т.Касавина «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка» (М., 2008). Автор рассматривает в этом труде такие, не очень ещё привычные (во всяком случае, в качестве основополагающих) для современного исследователя понятия, как контекст, дискурс, смысл, диалог и ряд других.
- ⁴ На эту и родственные ей темы я писала в своих книгах: «Философия из хаоса. Ж.Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии» (М., 2004); «Человек и мир в науке и искусстве» (М., 2008).
- ⁵ О трудностях и проблемах, с которыми сталкиваются и которые пытаются решить современные социологи при изучении общества можно прочесть в книге Н.М.Смирновой «Социальная феноменология в изучении современного общества» (М., 2009).
- ⁶ *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 312.
- ⁷ *Мамардашвили М.К.* Стрела познания. набросок естественноисторической гносеологии. М., 1996.
- ⁸ *Делёз Ж.* Логика смысла. М., 1998.